

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МЫШЛЕНИЯ В ПОВЕСТИ «НОС»

Я обращаю внимание на одно из замечаний Н.В. Гоголя, которое он делает в «Повести о том...»: «Я, признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника? Или руки их так созданы, или носы наши ни на что более не годятся». Почему я процитировал Н.В. Гоголя? Во-первых, эта мысль Н.В. Гоголя мифологична. Я, признаюсь, тоже не понимаю, почему так происходит. Носы человеческие – обыкновенные органы человеческого тела. В обыденной реальности мы очень часто хитрим, «тянем резину», пытаемся что-то сделать, получить в свою пользу – в результате чего возникло выражение: «... водить за нос». Когда человек видит, что его обманывают и т.д., то он интуитивно использует мифический образ. В чем тут специфика, когда кто-то хватается «нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника»? Особенность в том, что носы получают другое значение, характеризуются другой идеей; когда люди водят друг друга за нос, то возникает, получается новый смысл и можно хватать наши носы «так же ловко, как-будто за ручку чайника». Во-вторых, меня удивила одна мысль В. Подороги: «В последние годы (по-видимому, речь идет о последних годах жизни Н.В. Гоголя, - В.К.) - святость понималась Гоголем исключительно как «борьба с плотью» [5, с. 210] О понимании святости Н.В. Гоголем мы поговорим ниже, но вот вопрос о плоти касается и мифологического мышления русского писателя. Я прошу у читателя извинения за чрезмерное цитирование. Однако без него в данном случае не обойтись. Можно было бы согласиться с В. Подорогой, если бы не одно обстоятельство: ведь Н.В. Гоголь все-таки более или менее был православным писателем. А это меняет многое в понимании и телесности, и человеческого тела. Не о полном теле размышлял Н.В. Гоголь, а о целостном теле, о целостности тела. Если человеческое тело есть только сумма своих частей, то это значит, что нет никакого целого человеческого тела. Человеческое тело содержится в каждой отдельной части, в каждом отдельном органе, в каждой отдельной функции тела. Для Н.В. Гоголя человеческое тело не делится на части, оно целостно и едино. Но что «обеспечивает», обуславливает это единство, делает «полное тело» одним. И. Анненский в своей книге «Книги образений» писал относительно телесности у Н.В. Гоголя следующее: «Гоголь написал две повести: одну он посвятил носу, другую – глазам (...). Если мы поставим рядом две эти эмблемы – телесности и духовности – и представим себе фигуру майора Ковалева, покупающего неизвестно для каких причин орденскую ленточку, и тень умирающего в безумном бреде Чарткова, — то хотя бы на минуту почувствуем всю

невозможность, всю абсурдность существа, которое соединило в себе нос и глаза, тело и душу» [1, с. 19-20]. Для Н.В. Гоголя загадка человека и в «носе», и в «глазах». То, что человек без носа есть символ распада личности – это и бесспорно, и тривиально одновременно. И в этом парадоксальность повести «Нос». Майор Ковалев рассуждает, что утрата носа – совсем не то, что утрата любой части тела: «Будь я без руки или без ноги – все бы это лучше; будь я без ушей – скверно, однако ж все сноснее; но без носа человек – черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин; просто, возьми да и вышвырни за окошко!» Вроде бы Н.В. Гоголь противоречит самому себе. На самом деле это не так. Для писателя представить человека – это не рассекать тело на части, не отнимать душу. Человек для Н.В. Гоголя единство, целостность тела телесного, тела душевного и тела духовного. Сам по себе человек телесный интереса не представляет; перстный человек есть единство телесности и душевности. Для Н.В. Гоголя – это аксиома, он и обсуждать это не хочет; он согласен с позицией апостола Павла, что «иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц» (15. 1 Кор. 39). По-видимому, можно предположить, что иная плоть человека духовного. А что и как, для этого Н.В. Гоголь и проводит свой эксперимент с «носом». Он как бы предлагает читателю погрузиться в мир телесных людей. Это не сплошная экстернализация частей человеческого тела, а их селекция. Вновь обращаюсь к поддержке – к апостолу Павлу: «Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения» (12 1 Кор. 22, 23). Н.В. Гоголь и печется о человеческом носе, как о «менее благородном». Почему? Это, пожалуй, не вопрос мифологического мышления, это – вопрос телесных предпочтений: кому-то важны руки, кому-то уши, а вот Н.В. Гоголю понадобился нос. У Н.В. Гоголя хватило бы и ума, и таланта, чтобы описать людей, олицетворяющих отдельные органы человеческого тела. Проблема, по-видимому, не в этом. В чем? Чтобы разъяснить свою позицию, обращаю внимание на то, как В. Подорога дает странное объяснение того, почему Н.В. Гоголь прodelывает свой эксперимент с носом: «Более поздний этап (отчасти включающий и предыдущий) – от петербургских повестей к римским «Мертвым душам» и «Избранной переписке» – показывает совершенно иное: внезапный, почти шизофренический распад телесного образа» [4, с. 211-212]. Это высказывание потрясает своей неопределенностью и спекулятивностью. О каком распаде телесного образа идет речь? Да не было какого-то общего телесного образа у Н.В. Гоголя. Оперирует ли человек каким-то общим образом человеческого тела? Это отнюдь не риторический вопрос. Да, каждый человек имеет одно тело, но тело человека – не кусок мяса, не вещь и не абстрактная идея. Тело человека от рождения до самой смерти – тело одушевленное и при этом весьма и весьма конкретное. И я не вправе игнорировать «жизнь» и физиологию собственного тела. Но я

могу влиять на жизнь своего тела и даже осуществлять власть над ним. Это азбучное положение антропологии. Тело душевное – это некая срединность, которая связывает телесные реальности между собой. Тело духовное наименее проанализировано в философской литературе. Вряд ли здесь могут помочь «изысканные» «филлигранные» мысленные конструкты по поводу того, что «есть еще третье, воображаемое тело, реальное и ирреальное, оно создает образы, благодаря которым совершается коммуникация между двумя предыдущими состояниями телесной реальности» [Там же, с. 211]. В каждом человеке живет тело духовное, имеет свое «место» в одушевленном теле. Но существует и влияет по-разному. И не Господь Бог в этом повинен. Для того, чтобы тело духовное завладело человеком, он сам должен захотеть этого.

Гоголевская практика телесных образов как раз и отличается новизной: человеческая телесность едина, слита с душой, а в пределе с Духом. Представить тело – это не рассечь его на отдельные части, каждая из которых может вести совершенно ирреальную жизнь, но лишь в голове писателя, поэта или философа. «Возвращение» носа на свое место, «то есть именно между двух щек майора Ковалева» для Н.В. Гоголя не возрождение, и тем более не воскресение (я намеренно использую терминологию В. Подороги). Человеческое тело вне Духа – есть тело мертвое, а тем более ирреальное. И какая разница, как представлять жизнь человека вне Духа через отделенный нос или целое, целостное тело, все равно не преодолеть человеку этой отрешенности в своей жизни.

Мифология в повести «Нос» имеет свои особенности. В повести «Нос» отсутствует мифология Духа, но весьма выразительно, выпукло и ярко представлена мифология телесности (в частности, мифология тела и души). Можно, например, проанализировать появление доктора, которого позвали, чтобы «водрузить» нос на гладкое место, находившееся «между двух щек». Но изюминкой мифологизма повести являются письма майора Ковалева и Александры Подточиной. Несущим предложением в письме майора Ковалева является следующее: «Внезапное его отделение с своего места, побег и маскирование, то под видом одного чиновника, то, наконец, в собственном виде, есть больше ничего, кроме следствие волхований, произведенных вами или теми, которые упражняются в подобных вам благородных занятиях». Что хотел подчеркнуть Н.В. Гоголь письмом майора Ковалева? Н.В. Гоголь подчеркнул, что майор Ковалев не есть личность не потому, что он – не личность, но потому, что он не осмыслен с точки зрения мифического сознания. Причем у Н.В. Гоголя это происходит бессознательно. Нос майора Ковалева представлен не как личностное или принципиально-личностное существование. Личностным восприятием пронизан не всякий акт сознания майора Ковалева. Нужно быть наверное абсолютно неверующим человеком или материалистом, чтобы не понимать значения телесности, тела и

его отдельных органов. Н.В. Гоголь, с моей точки зрения, потому и есть Н.В. Гоголь, потому что он понимал личностное значение тела и его отдельных органов. Если, например, принять во внимание гениталии, то даже самые что ни есть убежденно-последовательные атеисты, вопреки своим убеждениям, подчиняются общечеловеческой интуиции относительно их значения, хотя в материальном смысле они ничем принципиально не отличаются от ушей, рук, пальцев, носов и т.д. Я приведу рассуждения В. Подороги, чтобы дать пример негативной оценки гоголевской экстернализации частей тела и органов. «...Такое безобразное лицо, безносое, не может быть лицом. Нос отрезанный, запеченный, превращенный и какой угодно нос – более не нос, а лишь симптом наметившегося распада личности. Так и другие вещи – шкатулка Чичикова, например, – становятся частью анатомии персонажа, важными органами жизни, его «душой», «мозгом», «домом» и чуть ли не «женой». Каскад вещных разъятий. Таким образом, экстернализация идет в двух направлениях: вещи становятся частью живых тел или занимают их место («люди-шинели», «люди-комоды», «люди-стихии»), а части и органы живых тел – вещами («брови-люди», «губы-люди», «носы-люди»). Это направления соответствующих планов замещения (совместное действие метафоры, истолкованной буквально, и метонимии). Сплошная экстернализация чувственных ощущений сопровождается анатомическими рассечениями целостности образов на все более малые объекты» [5, с. 212-213].

В сказанном В. Подорогой много правоты и точности. Но не обязательно думать так, как думал Н.В. Гоголь. Тело, телесность, действительно, есть одно из основных и глубинных свойств человека. Но можно противопоставить гоголевской экстернализации другую мифологию, тем более, что русский писатель должен хотя бы слышать о том, как относятся к телесности в строгих мужских монастырях и как простаивали ночи монахи в Великом Посту за богослужением, может, слышал покоянный хор монахов в Киевско-Печерской лавре, и видел слезы умиления, телесного и душевного содрагания кающегося подвижника во время молитвенного подвига; может, встречал монахов с их чудными и дивными знаниями, приобретенными в многодневном неядении и сухоядении; может, встречал спокойного, ясного, простого монаха с исхудавшим и физически натруженным телом, и почувствовал вселенскую вечность, встретившись с умными и усталыми глазами, в сильном и крепком теле, в черном и длинном одеянии, которое уже одно, само по себе, отсекает телесную распушенность, мирское потребительство и стяжательство, и вливает в оглушенную и оцепеневшую душу умиление, утешение и радость.

Изложенное выше, может служить примером мифологии, только это, разумеется, другая мифология. Важно, что и гоголевская повесть «Нос», и православный монастырь – суть одинаково формы бытия мифического. Я склонен идти еще дальше. По-моему, любые

органы человеческого тела, если их рассматривать как объекты, или предметы, не абстрактно-изолированные, но как предметы живого человеческого опыта, обязательно суть мифы. Но, что делает Н.В. Гоголь? Он вырывает органы человеческого тела, лишает их живой мифологичности и превращает их в мертвые, что соответствует некрофилийским чертам творчества Н.В. Гоголя. Гоголеведение давно считает повесть «Нос» весьма неоднозначной. Я говорил уже, что данная повесть одна из самых скандальных. Многие критики полагают, что повесть «Нос» – неприятие городской цивилизации. Алексей Давыдов, например, считает, что для Н.В. Гоголя городская культура аморальна [3, с. 94-95]. Доводы А. Давыдова интересны, они подкупают хорошо продуманной аргументацией. В самом деле, вот одно из рассуждений Алексея Давыдова: «Город – это место, где люди не живут. Это место, где живут их амбиции. Чем больше амбиция, тем выше нос у носовладельца. Проиграл интригу в борьбе за место возле трона, люди говорят: «остался с носом». «С носом» – значит, без надежды на карьеру и без благ, как Меньшиков в Березове. В городе живут не люди, а носы. Человек, как он есть, со всеми его достоинствами и недостатками – сам по себе. А нос – сам по себе. Отделение носа от хозяина – основной принцип городской жизни» [4, с. 98].

А. Давыдов тоже погружен в мифологию. Но опять-таки: в какую мифологию?

Что-то неприятное веет от таких рассуждений. У меня в связи с этим возникло два вопроса: можно ли создать образ носа применительно к сельской жизни? Символом чего все-таки является человеческий нос?

«Город–село» – эта альтернативность сквозная в философии истории. Почему предпочтение отдается городу, а не селу? Село ближе к природе. Но современный человек бежит из села. Бежит от недостаточной цивилизованности. В городе искусственное преобладает. Город – пространство искусственных форм, к которым «привязаны» люди, множество людей – в пределе толпы. Искусственное в городе многолико, как многолицно множество людей. Многолицие города порождает широкий и неоднозначный мир семиотических пространств, иногда принципиально несовместимых и не соединимых, а их соседство – образ фантазмагорического мира (например, для М. Булгакова понятия «дом» и «общая кухня» несовместимы). В городе пребывает скрытый хаос, который иногда может стать явным и неуправляемым. Город – место, где живут «маленькие человеки» и «серенькие человеки», каждый из них слаб, одинок, ничтожен, мухоподобен, но которые в куче, в толпе становятся неуправляемыми.

Город – совокупность семиотических пространств, существующих в реальном времени, которое всегда неоднородно, сжимаемо и расширяемо и при этом совершенно относительно и

условно. Семиотические пространства-времена города имеют складки, разрывы и сгущения, различные фигурные строения. Каждый житель города живет в определенном семиотическом пространстве-времени. Город – кастовость носов и никто по желанию не может перейти из одной касты в другую. Переход из одной касты в другую – дело случая. Город – это многоуровневое семиотическое пространство с пересеченными границами разных уровней, ограниченных единой границей, или группа замкнутых пространств, дискретность которых всегда, так или иначе, отмечена границами между ними. Важным моментом здесь является вопрос, что в том или ином семиотическом пространстве воспринимается как «нос-человек», или «нос-личность (?)». Н.В. Гоголь своей повестью сформулировал некую парадигму: всегда ли понятие «личность» отождествляется с границами физической индивидуальности человека и связывается с определенными культурными и семиотическими условиями? Вспомним сцену в Казанском соборе:

« – Ничего решительно не понимаю, – отвечал нос. - Изъяснитесь удовлетворительнее.

- Милостивый государь... – сказал Ковалев с чувством собственного достоинства, – я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились.

- Вы ошибаетесь, милостивый государь... Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных сношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству».

Поэтому и возникает вопрос: может ли тот или другой «нос-человек», «нос-личность» перейти, перескочить из одного пространства-времени в другое? Для меня это непростой вопрос. Вы вправе спросить меня: причем тут повесть Н.В. Гоголя «Нос»? Я полагаю, что Н.В. Гоголь начал толком понимать жизнь лишь тогда, когда приехал в Петербург. Не смог бы Н.В. Гоголь, несмотря на свой дивный талант, написать «сельского носа». Почему? Да, потому что – пространство-время села имеет другую «природную семиотику» и ритмику, и надо хотя бы чувствовать это. Н.В. Гоголь стихийно, скорее бессознательно, чем осознанно ощущает искусственность города и многослойность пространства-времени. В.Вересаев в книге «Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников» приводит замечание М.П. Погодина: «18 октября 1848 г. – Глубокое замечание Гоголя: «Спасение России, что Петербург в Петербурге» [2, с. 327]. Замечание, действительно, любопытное. Будь Петербург или Москва непосредственно в России, или Киев в Украине, история пошла бы иначе. Жить в любом городе – это еще не бытийствовать в нем. Бытийствовать в городе, по большому счету, (в идеале!) – это значит усиливать, наращивать, развивать в человеке человеческое. В городе для этого предпосылок больше, на селе

меньше всякого рода искушений (например, рестораны, кафе, закусочные, бары, ночные клубы, ипподромы и т.д; наконец, власть денег на селе ограничена!). «Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского...» Майор Ковалев – это не Н.В. Гоголь, приехавший в Петербург. Н.В. Гоголь страстно желал бытийствовать в Петербурге. Этого не случилось, как, с моей точки зрения, не случилось и в городах Западной Европы. Город вообще унижал Н.В. Гоголя, хотя иногда он старался быть своим в этой искусственной среде. И, фактически, тщательно скрывал свою неприязнь к городу. Но Н.В. Гоголь и деревенской жизни не понимал. Он не знал, что значит ощутить в середине августа приближение осени, вряд ли он ощущал запах свежескошенной травы или свежесвежескошенного хлеба; ощущал ли он как пахнут яблоки, каким ароматом отличаются пчелиные соты, когда пасечники качают мёд, слышал ли он запах послегрозовой степи и лугов? Эти вопросы возникают, когда подумаешь, почему Н.В. Гоголь не мог написать «сельский нос». И трудно согласиться с такой лапидарной мыслью А. Давыдова: «Город – это нос по отношению ко всей России». [3, с. 98]. Потому-то и возникает вопрос: а чем же является село, деревня по отношению ко всей России?

Каждый из нас знает, что «городские-человеки» отличаются от «деревенских-человеков». Идем мы первый раз с женою по хутору, в котором жили ее родители, а говор уже прошел, что Лиля (так звали мою жену в детстве) с профессором приехала. Раз Лиля доцент, значит – баста! Муж у нее профессор.

Городской человек отличается по образу жизни от сельского человека даже по восприятию природных процессов. Городской житель воспринимает наступление весны иначе, чем сельский. Только в очень абстрактном мышлении можно представлять приход весны как нечто нейтральное к вашему настроению и вашему самочувствию. Когда в детстве и ранней юности я жил в Белоруссии, то приход весны я воспринимал по веселым, ярким солнечным лучам и по звонким капелям, которые издавали сосульки, свисавшие с деревянных изб, укрытых тесом, и сараев, пахнувших навозом и прелым сеном. Избы, сараи и хлевы казались мне живыми. Сейчас я понимаю, что белорусская деревня была живой вещью не физического, но социального и исторического бытия. И тут дело не в моем субъективном переживании и мировосприятии. И когда сейчас я стою на крыльце своего загородного дома, задравши голову вверх, и вижу как стая галок с каким-то необычным весельем и гоготанием каркает, кувыркаясь в потоках воздуха, то кажется, что эта стая галок сначала сама веселится, а потом уже она производит на меня такое воздействие. Еще холодно, по ночам морозно, но синицы во всю поют. Весна вот-вот вступит в свои права. Важно понять, что не только цвета, звуки, запахи, вкусы, но и человеческое тело с его

органами мы воспринимаем вкупе целостно, а не изолированными. Изоляция, оторванность запахов, звуков, цветов, равно как и отдельных органов человеческого тела – это пустая абстракция. Если брать реальные и живые вещи, то, например, ростки тюльпанов, пробивающиеся из-под снега, не есть тюльпаны биологической науки, но веселящее, радостное, обновляющее начало.

Так как же истолковывать символ носа в творчестве Н.В. Гоголя? Может быть, повесть «Нос» есть проявление шизофренического? И не страдал ли Н.В. Гоголь шизофренией в повседневной жизни? Но если страдал, то что из этого следует?

Что касается последнего вопроса, то это требует отдельного рассмотрения. Вот в повести «Нос» имеются элементы, свидетельствующие о специфическом понимании и описании реальности, которые имеют, по крайней мере, шизофренический оттенок. В этом плане полезно обратиться к тем характеристикам шизофренического, которые некогда были установлены З. Фрейдом. «При шизофрении можно наблюдать, особенно в поучительных начальных стадиях, определенные изменения языка, из которых некоторые заслуживают рассмотрения с определенной точки зрения. Способ выражения часто становится предметом особой заботливости, он становится «неестественным», «манерным». В фразах проявляется особая дезорганизация построения, благодаря которой они становятся непонятными, так что мы считаем речи больных нелепыми. В содержании этих речей на первый план выдвигаются отношения к органам или иннервациям тела» [10, с. 185].

Язык повести «Нос» во многом неопределенный. Читая «Нос», не избавляешься от мысли, что какое-то болезненное воображение или неправильное чувство водило рукой автора. Если в «Мертвых душах» выведены типы (за исключением П. Чичикова), то майор Ковалев с носом или майор Ковалев без носа – не тип, но и не индивидуальность. Индивидуальность всегда в движении, и от этого разнообразна его жизнь. В индивидуальности каждый поступок несет в самом себе свою цель и значение. Майор Ковалев с носом или майор Ковалев без носа – ни то, ни сё. Поступки майора Ковалева статичны. Здесь кроется один из парадоксов повести. «Нос-человек» статичен, в нем не выражены действующие силы чувственного. В повести «Нос» отсутствует энергетика пола. «Он разговаривал с ними очень долго и, нарочно вынувши табакерку, набивал перед ними весьма долго свой нос с обоих подъездов, приговаривая про себя: «Вот, мол, вам, бабё, куриный народ! а на дочке все-таки не женюсь. Так просто, *par amour*, - изволь!» И майор Ковалев с тех пор прогуливался, как ни в чем не бывало и на Невском проспекте, и в театрах, и везде. И нос тоже, как ни в чем не бывало, сидел на его лице, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонам. И после того майора Ковалева видели в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам...»

В повести «Нос» скрыта чувственная регрессия. Причем тщательно маскируется экзистенциал близости. Лишь в двух местах текста это можно встретить при внимательном чтении; например, «с тех пор прогуливался как ни в чем не бывало и на Невском проспекте, и в театрах, и везде» (Н.В. Гоголь не даром, не случайно употребил это выражение, читатель может довообразить, дофантазировать, что скрывается за этим термином). И несколько ранее читаем: «Будь я без руки или без ноги – все бы это лучше; будь я без ушей – скверно, однако ж все сноснее; **но без носа человек – черт знает что:** птица не птица, гражданин не гражданин, – просто возьми да и вышвырни за окошко!» Я уже цитировал эти строчки. В данном случае я обращаю внимание на то, что бурчание майора Ковалева скрывает основное витальное влечение жизни – влечение пола. Интересная оценка проблемы пола, которая всячески маскируется Н.В. Гоголем, дается В.В. Розановым. «Интересна половая загадка Гоголя. Ни в каком случае она не заключалась в он....., как все предполагают (разговоры). Но в чем дело? Он, бесспорно, «не знал женщины», т.е. у него не было физиологического аппетита к ней. Что же было? Поразительная яркость кисти везде, где он говорит о покойниках. «Красавица (колдунья) в гробу», как сейчас видишь, «мертвецы, поднимающиеся из могил», которых видят Бурульбаш с Катериной, проезжая на лодке мимо кладбища, – поразительны. Тоже утопленница Ганна. Везде покойник у него живет удвоенною жизнью, покойник – нигде не «мертв», тогда как живые люди удивительно мертвы. Это – куклы, схемы, аллегории пороков... Я и думаю, что половая тайна Гоголя находилась где-то тут, в «прекрасном упокойном мире», – по слову Евангелия: «Где будет сокровище ваше – там и душа ваша». Поразительно, что ведь ни одного мужского покойника он не описал, точно мужчины не умирают. Но они, конечно, умирают, а только Гоголь несколько ими не интересовался. Он вывел целый пансион покойниц, – не старух (ни одной), а все молоденьких и хорошеньких. Бурульбаш сказал бы: «Вишь, турецкая душа, чего захотел». И перекрестился бы. (Когда болел живот. В саду)» [8, с. 262].

Замечание В.В. Розанова, бесспорно, интересное. Природа пола противоречива: с одной стороны пол – стремление, волнение, проявление стихийной, бессознательной энергии, с другой – пол (противоположность полов!) является нормой человеческих отношений; пол как норма – необходимое сакральное условие интимных отношений. В.В. Розанов представляет, или характеризует, Н.В. Гоголя как содомита. Если принять во внимание природу пола, то видение Н.В. Гоголя требует объяснения. В целом Н.В. Гоголь, если исходить из его произведений, десакрализирует coitus. Почему? Если принять во внимание, что делал он это сознательно, то придется согласиться с тем, что Н.В. Гоголь – гений литературной формы и языка – через язык гоголева содомия необычным и странным

образом воспринимается. В.В. Розанов просто очарован гоголевскими «словечками». Но язык – это Божий дар человеку. Почему один обладает богатейшей палитрой слов, а другой, при всех его стараниях, даже плохенького письма написать не может, – этого никто не может объяснить. Гениальность, талантливость даются Богом, они врождены. Мне думается, что содомия Н.В. Гоголя – врожденное свойство. Социальность, воспитание и самовоспитание могут облагородить, отшлифовать и т.д., талант, но чтобы превратиться в бриллиант – надо родиться, быть алмазом.

В.В. Розанов в статье «Гений формы (К 100-летию со дня рождения Гоголя)» пишет: ««Носа» Гоголя не только не зачеркивает в его произведениях, но и никто не захочет зачеркнуть, всякий воспротивится зачеркиванию, воскликнет: «Это – наше», «Это дорогое нам, «с этим мы ни за что не расстанемся?» С историей о том, как Ковалев потерял свой нос и потом опять нашел его? Ведь тут ничего нет! Нет сюжета! Нет содержания!

– Содержания?.. Действительно, нет! Но форма, но как рассказано – изумительно!» [9, с. 346].

Вывод В.В. Розанова спорный. В произведении Н.В. Гоголя скрыта мифологическая страсть вокруг проблемы души и тела. Для человека, который не заангажированный данной проблемой, казалось бы, все совершенно ясно. Только сумасшедший может отдельный орган человеческого тела принять за живое. Ну, а если проблема души и тела – наиважнейшая, то может стоит показать: к каким нелепостям можно прийти, если какой-то орган рассмотреть отдельно от тела, т.е. представить его живым. Вот в этом пункте Н.В. Гоголь, действительно, сталкивается с фундаментальнейшей проблемой: **что такое душа?** Мы не знаем, что в этом аспекте думал Н.В. Гоголь. Точно так же, как мы фактически ничего не знаем о Н.В. Гоголе и его душе. Полагать, что возможен какой-то социально-культурный анализ души Н.В. Гоголя – верх наивности. Н.В. Гоголь очень скрытный – это какая-то черная дыра. Тем не менее, мне кажется, что Н.В. Гоголю близка идея, что душа – самоактивность, самодвижущее. Душа – то, что делает все живым. Эта мысль принадлежит моей семилетней внучке. Мы с нею как-то шли по степной дорожке. Я у нее спрашиваю:

– Лиза, вот у этих ромашек есть душа?

- Есть – отвечает она

- Что такое душа? – спрашиваю у нее.

- То, что делает все живым.

Я потом еще долго раздумывал над ее определением. Воистину – младенцем глаголит истина. Но отсюда следует, что душа должна иметь тело. Применительно к обсуждаемой теме нужно иметь в виду, что Н.В. Гоголь – христианин. И как христианину ему близки мистико-мифологические размышления апостола Павла: «Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов,

иная у рыб, иная у птиц. Есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных» (1 Кор. XV, 39 – 40)». «Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор. XV, 44).

Вдумаемся в последнюю строчку: «есть тело душевное, есть тело и духовное». Понимаем ли мы, о чем говорил апостол Павел? Плоть у человека иная, чем у животных; плоть у Богочеловека иная, чем у человека. Вознесение И. Христа на небо – это естественное чудо, которое завершает множество сотворенных чудес: насытил 5-ю хлебами 5000 народа, превратил воду в вино, укрощал бури, исцелял слепых и хромых. Н.В. Гоголь в одном из писем к Данилевскому признается, что невозможно описать в нескольких письмах жизнь его души – тут нужны тома. Душа должна сопрягаться с Духом, душа человеческая должна стать, быть Духом, человек должен стать духовным человеком – преобразовав свою телесность. Ну, а если плюнуть на эту сверхзадачу и не забивать себе голову, а просто... Вот здесь нас поджидает Н.В. Гоголь со своей иронией, отсутствием доверия и уважения к людям всем складом своего гения, который стал пожирателем собственной души, души России и ее истории, а особенно ее будущего. Его раздвоенное воображение, не так относящееся к действительности, не так относящееся к идеальному устройству общества и государства, вызвало в наших душах раздражение, непонимание и восторг. Гоголевы куклы, типы и фигуры жалки и смешны и вызывают массу вопросов: неужели Ковалевы, Акакии Акакиевичи, Чартковы не достойны жалости, снисходительности и должны быть лишь осмеяны? С какой высоты смотрел на них Н.В. Гоголь и соответствует ли его понимание неба христианскому идеалу? Соответствуют ли его требования, предъявляемые людям Христовым требованиям? Христос укорял и учил людей, но никогда не осмеивал. «Не мешайте этим приходить ко Мне», – сказал Спаситель.

Использованная литература

1. *Анненский, И.* Книги образжений / И. Анненский. – М., 1976. – С. 19 -20.

2. *Вересаев, В.* Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников» / В. Вересаев // Сочинения в 4 т. – Т. 4. – М., 1990. – С. 327.

3. *Давыдов, А.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа / А. Давыдов. – М. : Новый хронограф. – С. 94 – 95.

4. *Давыдов, А.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа / А. Давыдов. – М. : Новый хронограф. – С. 98.
5. *Подорога В.* Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. В. Подорога – Т. 1. – М., 2006. – С. 210.
6. *Подорога, В.* Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы / В. Подорога – Т. 1. – С. 211- 212.
7. *Подорога, В.* Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы / В. Подорога. М., 2006. – Т. 1. – С. 212 – 213.
8. *Розанов, В.В.* Уединенное // Сочинения / В.В. Розанов. – М., 1990. – С. 262.
9. *Розанов, В.В.* Гений формы (К 100-летию со дня рождения Гоголя) // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / В.В. Розанов. – М., 1995. – С. 346.
10. *Фрейд, З.* Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа / З. Фрейд, – СПб. : Алетейя, 1998. – С. 185.

REFERENCES

1. *Annenskiy, Y.* Knyhy obrazhenyy / Y. Annenskiy. – M., 1976. – S. 19 -20.
2. *Veresaev, V.* Hohol' v zhyzny. Systematycheskiy svod podlynykh svydetel'stv sovremennykov» / V. Veresaev // Sochyneniya v 4 t. – T. 4. – M., 1990. – S. 327.
3. *Davydov, A.* Dusha Hoholya. Opyt sotsyokul'turnoho analiza / A. Davydov. – M. : Novyy khronohraf. – S. 94 – 95.
4. *Davydov, A.* Dusha Hoholya. Opyt sotsyokul'turnoho analiza / A. Davydov. – M. : Novyy khronohraf. – S. 98.
5. *Podoroza, V.* Mymesys. Materyalu po analytycheskoy antropolohyy lyteratury. V. Podoroza – T. 1. – M., 2006. – S. 210.
6. *Podoroza, V.* Mymesys. Materyalu po analytycheskoy antropolohyy lyteratury / V. Podoroza – T. 1. – S. 211- 212.
7. *Podoroza, V.* Mymesys. Materyalu po analytycheskoy antropolohyy lyteratury / V. Podoroza. M., 2006. – T. 1. – S. 212 – 213.
8. *Rozanov, V.V.* Uedynennoe // Sochyneniya / V.V. Rozanov. – M., 1990. – S. 262.
9. *Rozanov, V.V.* Henyy formy (K 100-letyyu so dnya rozhdenniya Hoholya) // Sobranye sochynenyu. O pysatel'stve y spysatelyakh / V.V. Rozanov. – M., 1995. – S. 346.
10. *Freyd, Z.* Osnovnyye psykholohycheskiye teoryy v psykhoanalyze. Ocherk ystoryy psykhoanalyza / Z. Freyd, – SPb.: Aleteyya, 1998. – S. 185.

Статья поступила в редакцию 04.02.2015 г.